

Марининой «Бой тигров в долине», который представляет собой, опять-таки, дефектный детектив.

На мой взгляд, эффективность дефектного детектива в современной ситуации объясняется прежде всего фактом формирования картины мира, обозначаемой мною «космос как хаос / хаос как космос». Эта картина мира характеризуется гипертрофированной тенденцией к упорядочению, которая, реализуясь в действительности, вызывает к жизни волны хаоса и поглощается ими. При этом сращенные космос и хаос меняют свою природу и предстают, скорее, в виде квазикосмоса и квазихаоса. Ситуация с дефектным детективом видится четкой проекцией обозначенного процесса: квазикосмос пытается возродить к жизни классический детектив (на котором уже полвека назад был поставлен жирный крест в виду признания факта множественности истины), дабы его сверхчеткая структура внушала уверенность в том, что в реальности можно и нужно установить order, квазихаос же активно вмешивается в процесс «возрождения», оживляя структуру путем подключения к ней элементов иных, как правило, столь же четких структур – реверанс в адрес квазикосмоса – тем самым сводя на нет идею order: суммирование «космических» элементов порождает «хаотический» эффект. Дефектный детектив, таким образом, демонстрирует свою абсолютную эстетическую адекватность картине мира «космос как хаос / хаос как космос».

УДК 812.161.1'04–191

Т. Н. Усольцева

Переосмысление сюжетных элементов притчи о блудном сыне в русской литературе 19 века

В статье анализируется переосмысление сюжетных элементов притчи о блудном сыне на материале повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» и романа Н. С. Лескова «Некуда», в которых блудными оказываются дочери. Делается вывод о том, что каждый из писателей воссоздает индивидуальную женскую историю, свидетельствующую об отдалении человека от Бога, подчеркивающую необходимость связи отдельной личности с культурной и нравственной традицией.

В последние десятилетия исследователи достаточно часто обращают внимание на специфику реализации библейских мифологем в литературе разных периодов, в том числе и притчи о блудном сыне. При этом смысл сюжета из Евангелия от Луки трактуется зачастую достаточно широко. Литературоведы рассматривают данный сюжет как архетипический, который может быть осмыслен как при воссоздании судьбы одного человека, так и при постижении пути всего человечества. Традиционно в сюжете о блудном сыне выделяют составляющие его элементы (уход сына от отца, раскаяние разорившегося молодого человека, возвращение блудного сына, его прощение отцом), образующие такие тематические блоки как отцы и дети, поиск смысла человеческого существования, отпадение человека от Бога и попытки его обретения [1]. Подобный подход, несомненно, имеет под собой основание, но в таком случае практически все произведения русской литературы могут быть прочитаны в качестве попытки осмысления притчи о блудном сыне на подсознательном уровне. Предметом исследования данной статьи выбраны тексты, в которых авторы прямо отсылают читателя к евангельской притче, т. е. осознанно выбирают данный сюжет в качестве эталона для постижения судьбы человека своего времени.

А. С. Пушкин в повести «Станционный смотритель» точно воспроизводит все ключевые смыслообразующие сцены притчи о блудном сыне: «в первой почтенный старик в колпаке и шляфорке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное по-

ведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шафровке выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости» [2, с. 85]. Указанные перипетии сюжета притчи внешне достаточно точно воспроизведены в произведении Пушкина, но при этом их смысл прочитывается совершенно иначе.

В повести Пушкина сюжет получает совершенно новое звучание хотя бы уже потому, что из дома ушла дочь. Но ведь она *должна* уйти, она *должна* выйти замуж, покинуть дом отца и переселиться в дом мужа. В повести «Станционный смотритель» Дуня Вырина уходит не так, как принято, не так, как должна. Точнее, отец сам, предложив дочери подвезти с Минским до церкви, не ведая того, подталкивает ее к побегу. Происходит отпадение от общепринятой традиции, нарушаются нравственные ценности, на которых воспитывались многие поколения и которые воспринимались как незыблемые. Внешне судьба Дуни складывается благополучно: Минский не бросает девушку, снимает для нее прекрасную квартиру. Передавая саму себя, Дуня теряет ту естественность и цельность натуры, которые были присущи ей, пока она жила в родительском доме. Она пребывает в каком-то раздвоенном состоянии: с одной стороны, красавица падает в обморок при виде Самсона Вырина, вошедшего в комнату в момент ее свидания с Минским, через несколько лет все-таки приезжает навестить отца и плачет в раскаянии на его могиле, а с другой – не может противостоять действиям своего любовника, буквально выкинувшего старика из квартиры. Один поступок – уход из родительского дома – превратит Дуню в Авдотью Самсоновну, а потом вообще приведет к потере своего имени и своего лица: ее никто не узнает, когда она приезжает на станцию навестить отца, и называют «добрая барыня». Жизнь оказывается гораздо сложнее и многограннее, не исчерпывается любовью женщины к мужчине, счастьем материнства.

Для Пушкина очевидна необратимость последствий деяния человека, когда любой и каждый выбор приносит ему не только радость обретения, но и утрату чего-то чрезвычайно важного и значимого. Писателя в данном случае не интересует традиционный архетипический смысл библейского сюжета, именно поэтому сцена раскаяния происходит в отсутствии отца. Пушкин воссоздает индивидуальную историю, позволяющую осознать трагедийность человеческого пути, необратимость последствий поступка, неспособность обретения гармонии в момент земного существования в силу самых разных причин. Любовь, к которой стремится каждый человек на земле и которая должна стать смыслом жизни, как оказалось, не может стать эквивалентом абсолютного счастья потому, что на истинное чувство способен далеко не каждый человек. Сама ситуация выбора между любовью к отцу и любовью к мужчине представляется аномальной, так как истинная любовь не может и не должна быть избирательной. Повесть Пушкина оставляет привкус вечной трагедии бытия, которая не имеет возможности разрешения, т. к. человек еще не повернулся лицом к Богу, не готов просить у него прощения хотя бы потому, что не научился видеть свои грехи, раскаиваться и любить.

Вслед за Пушкиным многие русские писатели обратились к истории блудной дочери. Абсолютная зависимость женщины сначала от отца, а потом от мужа делает ее судьбу безвариантной, а всякая попытка отступления от своего предназначения быть женой и матерью воспринимается как нарушение правила. Однако женскую половину человечества с каждым годом все меньше привлекает традиционный путь, ограничивающийся домом и семьей. Лесков воссоздает различные варианты женской судьбы, но почему-то среди них нет абсолютно безоблачных и счастливых. Один из последних эпизодов притчи – отец, бегущий навстречу сыну – служит завязкой сюжетной линии, отражающей отношения между поколениями в семье Бахарева. В романе он получает ироническое звучание, в

нем все наоборот: «– Лизок мой! – и, прежде чем девушка успела сделать к нему шаг, споткнулся и упал прямо к ее ногам.

– Папа, милый мой! вы зашиблись? – спрашивала Лиза, наклоняясь к отцу и обнимая его.

– Нет... ничего... споткнулся... стар становлюсь, – лепетал экс-гусар голосом, прерывающимся от радостных слез и удушья.

– Вставайте же, милый вы мой.

– Постой... это ничего... дай мне еще поцеловать твои ручки, Лизок... Это... ничего... ох.

Бахарев стоял на коленях на пыльной дороге и целовал дочернины руки, а Лиза, опустившись к нему, целовала его седую голову» [3, с. 48]. Старик-отец бежит навстречу дочери для того, чтобы обрести ее, но это счастливое мгновение – не начало новой блаженной жизни, а пролог трагической истории, повествующей о разрыве между самыми близкими людьми. У Бахарева три дочери, и каждая из них по-своему нарушает традиции, те принципы человеческого существования, которые вырабатывались веками: Зина, будучи замужней дамой, не хочет покидать родительский дом, все время возвращается в него, а Лиза, вместо того, чтобы думать о женихах, как положено молоденькой девушке, чувствует духоту, отсутствие жизни в родном пространстве и уходит из него в поисках своего пути. Уход из дома в данном контексте не является свидетельством нравственного падения, напротив, указывает на искренность, душевную чистоту девушки, на ее стремление обрести свой путь, в котором нет лжи и недомолвок, в котором господствует истина. Этот выбор Лизы станет причиной смерти отца, ее скитаний, разочарований, но даже на смертном одре она не будет сомневаться в правильности избранной ею дороги.

В конце романа автор вновь возвращается к сюжету о блудном сыне, напоминая о его метафорическом смысле – обращении человека к Богу и прощении грехов. Перед смертью Лиза, отказавшись от причастия, не принимает этот путь. Парадокс будет заключаться в том, что лучшие из лучших, самые достойные и чистые выберут путь ненависти, путь, отдаляющий человека от Бога. Смерть Лизы не есть искупительная жертва, это смерть, ведущая в никуда, необходимый урок другим. Для Лескова становится очевидным, что в современном обществе люди уже не могут довольствоваться общепринятыми нормами, опирающимися на обычай, т. к. это не ведет их обретению желаемой гармонии. Человек в современном его состоянии видит в них только путы, невозможность обретения свободы. Так, Женни Гловацкая, судьба которой воспринимается как благополучная, мечтает хоть ненадолго уехать с детьми из Петербурга, где живет с мужем, в провинцию к отцу, чтобы хоть немного отдохнуть от бесконечной лжи и недосказанности. Ее семья не стала для нее раем, для его достижения не хватает любви одного человека. Молодая женщина с горечью осознает, что осознанно совершенный выбор жизненного пути не сделал ее счастливой и что другой дороги пока никто не знает. Метания ее современниц, не принесшие никаких результатов, только усилили уверенность Женни в том, что идти «некуда».

Сам Лесков утверждал, что в своем первом романе стремился воссоздать только «правду дня», писал, что если «она вышла лучше, чем у других мастеров», то только потому, то он «дал в ней место великой силе преданий и традиций христианской или, по крайней мере, доброй семьи» [4, с. 169]. На первый взгляд, странное утверждение. Ведь в романе нет ни одной счастливой семьи, ни одного человека, которого можно было бы назвать счастливым. Но при этом Лескову удалось показать, что путь отрицания не ведет к выходу, напротив, он ввергает в ощущение безысходности, осознание трагического одиночества перед множеством неразрешенных проблем, нарастающего чувства вины. Этот комплекс проблем, с которыми сталкивается каждая отдельная личность, возникает, в первую очередь, от того, что важнейшие идеи христианства осмысливаются скорее формально, по привычке, умом, а не сердцем. Человек постоянно претендует на роль Творца, забывая о том, что не Бог его сотворил несовершенным, а люди разрушили гармонию. Отступление от веры, от православной традиции, которая является нравственной основой

бытия русского народа, убивает не традицию, а внутренний мир человека, все больше отдаляет его от Бога, а значит и от разрешения важнейшей задачи, перед которой стоит как отдельный индивидуум, так и человечество в целом.

Литература

1 См. подробнее: Габдуллина, В.И. «Блудный сын» как модель поведения: евангельский мотив в тексте биографии и творчества Ф.М. Достоевского / В. И. Габдуллина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Серия : Гуманитарные науки (Филология). – № 6 (49). – 2005. – С. 16–21.

2 Пушкин, А. С. Собр соч. в 10 т. Т. 5. / А. С. Пушкин. – М. : Правда, 1981. – 446 с.

3 Лесков, Н. С. Собр.соч. в 11 т. Т.2 / Н. С. Лесков. – М. : Худож. литер, 1956. – 758 с.

4 Лесков, Н. С. Собр.соч. в 11 т. Т.10 / Н. С. Лесков. – М. : Худож. литер, 1958. – 598 с.

УДК 821.161.3 Бородулин'06-1

С. Б. Цыбакова

Композиционное и жанрово-стилевое своеобразие стихотворно-дидактического цикла Р. Бородулина «Трыкірый»

В статье рассматриваются композиционные и жанрово-стилевые особенности, характеризующие поэтику стихотворно-дидактического цикла из книги Р. Бородулина «Евангелле ад Мамы» «Трыкірый». Взяв за основу учительные изречения из Книги Книг, белорусский поэт развил их глубинный нравственно-философский смысл, вследствие чего стихотворения, составившие «Трыкірый», приобрели особую, передающую мир духовных устремлений и поисков автора интеллектуальную и лирическую окраску. Заслугой Р. Бородулина является мастерское донесение до современного читательского сознания непреходящей нравственной и эстетической значимости учительного библейского слова, неисчерпаемых возможностей его использования в литературном творчестве.

Стихотворно-дидактический цикл «Трыкірый» – составная часть книги народного поэта Беларуси Р. Бородулина «Евангелле ад Мамы». В проникнутых исповедальным духом лирических строчках, открывающих произведение, автор обращается к Библии как к исключительно по силе воздействия на своё сознание источнику душеполезного знания:

Як у сцюдзёную раку,
Памалу ў Біблію заходжу,
Бо веру, што душу злагоджу,
І думаю, бяду ўраку [1, с. 5].

В основу «Трыкірыя» положены мотивы отдельных учительных текстов и фрагментов Священного Писания. Передача Божьих заповедей, заветов добра, милосердия и праведности приобретает в его строках особую, отражающую мир духовных устремлений автора эмоциональную и интеллектуальную окраску. Р. Бородулин выступает одновременно и как поэт-наставник и как философ-лирик, передающий читателю опыт внутреннего, сокровенного постижения тайн библейской мудрости и Премудрости.

В композиционном отношении произведение состоит из трех разделов. Каждый из них строится как последовательная и вместе с тем достаточно свободная, развёрнутая интерпретация учительных изречений из «Книги Екклесиаста, или Проповедника», «Притчей Соломоновых» и текстов «Посланий» святого апостола Павла. Число «три» является для Р. Бородулина священным. «Трыкірый», – разъясняет он, – это:

Тры свечкі святла
Айца й Сына й Духа Святога.
Тры полымі вера звяла
У полымя сэрца Бога.